

РОССИЯ В ПЕРИОД ДЕГРАДАЦИИ КОММУНИСТИЧЕСКОГО ТОТАЛИТАРИЗМА (1953—1991)

Глава 1

«ОТТЕПЕЛЬ» КОММУНИСТИЧЕСКОГО РЕЖИМА 1953—1964 ГГ.

5.1.1. Борьба за сталинское наследство. Свержение Берии

Новое руководство СССР немедленно отказалось от сталинских планов подготовки к Третьей Мировой войне. Преемники Сталина, прежде всего **Маленков, Берия и Молотов**, отчетливо понимали гибельность такой войны для СССР. В ноябре 1952 г. США первыми испытали термоядерное устройство. Первое советское термоядерное устройство испытано было только через десять месяцев (см. **5.1.14**), а к тому времени находилось еще в стадии разработки. Американская стратегическая авиация со своих баз могла достичь Москвы. СССР не имел аналогичных возможностей в отношении США. Все, что мог сделать Сталин и военные, — это построить дорогостоящую систему ПВО вокруг Москвы и готовиться к молниеносному захвату Западной Европы и Турции, чтобы лишить американцев их передовых плацдармов. Все это вряд ли предотвратило бы разгром СССР в случае войны.

Через десять дней после смерти Сталина, 16 марта 1953 г. Маленков публично заявил, что США и СССР могут договориться по любой международной проблеме. Крупнейшей из них была Корейская война. Во время похорон

Сталина Молотов обменялся мнениями с приехавшим на похороны премьером Государственного совета КНР Чжоу Эньлаем о возможности положить конец войне в Корее.

19 марта были направлены официальные письма Мао Цзэдуну и Ким Ир Сену, в которых предлагались меры, чтобы «обеспечить выход Кореи и Китая из войны в соответствии с коренными интересами китайского и корейского народов». Мао и Ким, которые не ставили этого вопроса перед Сталиным из-за гордости или боязни показать «слабину», немедленно согласились. 27 июля 1953 г. на нейтральной полосе в Корее было подписано соглашение о перемирии. Война закончилась, но Корея осталась разделенной.

В СССР антиамериканская истерия и шпиномания начали спадать. Советские женщины — жены иностранных дипломатов, получили разрешение выехать из страны (до этого они жили на территории иностранных посольств, т.к. по сталинскому закону 1947 г. брак с иностранцем означал немедленный арест). Была ослаблена цензура для иностранных журналистов (раньше за публикацию в своих газетах статей с критикой советского режима их тут же лишали аккредитации). Журналистов даже стали приглашать на приемы в Кремль.

В апреле-мае 1953 г. Президиум Совета Министров, во главе которого встал Маленков, был вынужден вплотную заняться кризисом сталинской политики в Восточной Германии. Военные приготовления и слухи вызвали массовое бегство немцев — молодежи и специалистов — в Западную Германию. На предприятиях и в сельской местности усиливалось недовольство непосильными темпами работ, снижением расценок и зарплат, «раскулачиванием» крестьян. Молотов и большинство членов Президиума решили отказаться от «ускоренного» темпа строительства «социализма» в Восточной Германии, но считали, что нужно сохранить ГДР — передовую базу советского присутствия в Центральной Европе.

В марте-июне 1953 г. Берия был самым активным членом нового руководства. Он стремился к верховной власти, но понимал, что после всех тех преступлений, которые он сотворил при Сталине, его шансы невелики — соратники его боятся, народ ненавидит, зарубежные политики смотрят как на кровавое чудовище. После смерти вождя крайним ответчиком за преступления сталинского режима становился он. Желая себя обелить и получить поддержку и в мировом общественном мнении, и среди руководства компартии, и в русском народе, Берия, будучи человеком вовсе неглупым, продумал целый ряд шагов. По некоторым серьезным свидетельствам, он советовал пойти на объединение Германии, — «пожертвовать» ГДР ради окончания холодной войны. Он же стремился как можно быстрее прекратить войну в Корее.

Внутри страны его самой заметной инициативой была реформа госбезопасности и прекращение «дела врачей». 16 марта Берия арестовал главного следователя по делу врачей Рюмина и освободил арестованных врачей. В за-

писке Президиуму Берия, пользуясь тем, что с 1946 г. он формально не возглавлял МВД и МГБ, сообщал о невинности врачей и о том, что убийство Михоэлса — дело рук органов безопасности. 3 апреля Президиум ЦК КПСС признал, что дело врачей сфабриковано, и возложил ответственность за это на бывшего министра МГБ С.Д. Игнатова. 4 апреля Берия подписал приказ по министерству, в котором осудил то, что сам и его предшественники применяли многие годы. Приказ запрещал «изуверские методы допроса — грубейшие извращения советских законов». Берия приказал уничтожить орудия пыток в тюрьмах МГБ. А еще за несколько месяцев до приказа он сам с удовольствием принимал участие в пытках заключенных, особенно женщин, в подмосковной тюрьме в Суханово, где у Лаврентия Павловича были специальные покои.

ДОКУМЕНТ

Приказ 4 апреля 1953 г.: «Министерство внутренних дел СССР установило, что в следственной работе органов МГБ имели место грубые извращения советских законов, аресты невинных граждан, разнузданная фальсификация следственных материалов, широкое применение различных методов пыток: жестокое избивание арестованных, круглосуточное применение наручников на вывернутые за спину руки, продолжавшееся в некоторых случаях в течение нескольких месяцев, длительное лишение сна, заключение арестованного в раздетом виде в холодный карцер и др. ... Такие изуверские «методы допроса» приводили к тому, что многие из невинно арестованных доводились следователями до состояния упадка физических сил, моральной депрессии, а отдельные из них до потери человеческого облика. Пользуясь таким состоянием арестованных, следователи-фальсификаторы подсовывали им заблаговременно сфабрикованные «признания» об антисоветской и шпионско-террористической деятельности». — *Н. Г. Охотин, Н. В. Петров, А. Б. Рогинский, С. В. Мироненко. Экспертное заключение к заседанию Конституционного суда РФ 26 мая 1992 г. М., 1992. С. 15.*

6 апреля советские люди узнали из печати о том, что «дело врачей» было сфабриковано. Говорилось также о том, что «был оклеветан честный общественный деятель, народный артист СССР Михоэлс». Эффект этого сообщения для миллионов людей был сравним разве что со смертью Сталина. Евреи, ожидавшие депортации, вздохнули с облегчением. Посвященные благодарили «Лаврентия Павловича». Антисемиты прикусили язык. Для многих людей «дело врачей» стало сильнейшим ударом по их слепой вере в Сталина и началом долгого процесса нравственного выздоровления и духовного прозрения.

По инициативе Берии были освобождены и реабилитированы многие военные и политические деятели, начиная от жены Молотова и до осужденных

по «делу авиаторов» и «мингрельскому делу». Он же был инициатором указа Президиума Верховного Совета «Об амнистии» от 27 марта. Этот указ освободил около миллиона человек, более трети узников ГУЛАГа. Освобождались только те, кто имел срок заключения до 5 лет, а также несовершеннолетние, женщины с детьми и беременные. Амнистия не распространялась на политических заключенных, осужденных по статье 58 за «антисоветскую деятельность».

Берия предложил прекратить сталинские «стратегические» стройки, такие как железные дороги Салехард–Игарка, Красноярск–Енисейск, Байкало-Амурская магистраль, тоннель под дном Татарского пролива к острову Сахалин, военно-морскую базу и кораблестроительный завод для строительства линкоров и авианосцев максимального тоннажа в Советской (Императорской) гавани тихоокеанского Приморья и многие другие. Все это были «проекты» ГУЛАГа, строившиеся трудом заключенных. Другие, менее дорогостоящие и более необходимые стройки Берия передал из ГУЛАГа в гражданскую экономику. На осень 1953 г. Берия наметил освобождение 1,7 миллиона спецпоселенцев, включая немцев, бывших кулаков и членов семей «врагов народа». Остальных спецпоселенцев планировалось освободить в течение последующих одного-двух лет.

Несомненно, именно Берия сделал первые шаги к слому сталинского механизма террора и демонтажу системы рабского лагерного труда. Историки до сих пор спорят, почему такой страшный и беспощадный человек оказался в роли реформатора? С точки зрения историка Р.Г. Пихоя, «моральные принципы Берии были не выше и не ниже, чем у его товарищей по партийному руководству» (Р.Г. Пихоя. Советский Союз. История власти. С. 108). Но из сталинского окружения только Берия своими руками убивал, пытал и насиловал, предпочитая (как рассказывал позднее Булганин Галине Вишневской) несовершеннолетних девочек. Берия поддерживал до поры до времени Маленкова в роли главы государства, чтобы впоследствии самому стать новым «вождем народов». Чувствуя, что его страшная репутация ему мешает, Берия стремился реабилитировать себя благими делами и дистанцироваться от почившего Сталина.

Слишком многие, однако, боялись и ненавидели «маршала с Лубянки». Среди них были партийные секретари и военные, пострадавшие от репрессий и слежки «особистов». Неистовая энергия, которую проявил Берия после смерти Сталина, испугала его коллег в правящей верхушке. Хрущёв, Маленков и Молотов видели, что Берия вторгается во всё, пытается сравнить их друг с другом. В июне 1953 г. Берия подготовил записку о замене русских чиновников в Латвии, Белоруссии, Украине и других республиках местными кадрами. Для Хрущёва это стало последней каплей. Украина была его вотчиной, и он решил, что Берия ведет под него подкоп. Хрущёв обратился к Молотову, а затем и к Маленкову, и сумел, избегнув вездесущих ушей госбезопасности, договориться об устранении Берии. В заговор вовлекли маршала Георгия Жукова и командующего Московским военным округом генерала Константина Москаленко, Лазаря Кагановича, Николая Булганина.

Заговор завершился полным успехом 26 июня 1953 г. На экстренном заседании в Кремле Берия был арестован Жуковым и армейскими генералами и заключен в тюрьму Московского военного округа.

Свидетельство очевидца

В своих воспоминаниях и в рассказах Федору Бурлацкому Никита Хрущёв так описывает арест Берии: «Сели все, а Берии нет. Ну, думаю, дознался. Ведь не сносить нам тогда головы. Но тут он пришел, и портфель у него в руках. Сел и спрашивает: «Ну, какой вопрос сегодня на повестке дня? Почему собрались так неожиданно?» А я толкаю Маленкова ногой и шепчу: «Открывай заседание. Давай мне слово». Тот побледнел, смотрю — рта раскрыть не может. Тут я вскочил сам и говорю: «На повестке дня один вопрос. Об антипартийной раскольнической деятельности агента империализма Берии. Есть предложение вывести его из состава Президиума, из состава ЦК, исключить из партии и предать военному суду»... Маленков всё еще пребывал в растерянности и даже не поставил моё предложение на голосование, а нажал сразу секретную кнопку и вызвал таким образом военных. Из соседней комнаты вышли ожидавшие там генералы. В руках они держали револьверы. Большинство сидевших за столом замерли от неожиданности. Георгий Жуков скомандовал Берии: «Встать! Вы арестованы. Руки вверх!» — *Ф. М. Бурлацкий*. Никита Хрущев. М.: Рипол классик, 2003.

Москвичи, современники тех событий, рассказывают, что в подъездах многих домов московского центра 26 июня они видели отряды вооруженных солдат под командованием армейских офицеров. Возможно, эти войска были введены в центр Москвы на случай сопротивления войск госбезопасности аресту своего «шефа». Но сопротивления не последовало.

Попытки Берии вымолить себе жизнь были обречены. В печати немедленно появилось сообщение, где он объявлялся «изменником Родины», заговорщиком и «британским шпионом». 2—7 июля состоялся чрезвычайный Пленум ЦК КПСС «О преступных антипартийных и антигосударственных действиях Берия». Хрущёв, Маленков и Молотов обвинили Берию во всех преступлениях сталинского режима, в том числе и в тех, к которым он был непричастен. Инициативы и реформы Берии были отменены или отложены. В декабре 1953 г. на закрытом заседании Верховного Суда СССР Берия и его люди из госбезопасности — В. Н. Меркулов, В. Г. Деканозов, Б. З. Кобулов, С. А. Гоглидзе, П. Я. Мешик, Л. Е. Влодзимирский — были осуждены по статье 58 по обвинению «в измене Родине, совершении террористических актов и создании антисоветской изменнической группы». Все они были немедленно расстреляны, тела сожжены, а прах закопан в безымянных могилах. С ними поступили так же, как они поступали с миллионами русских людей, с тысячами граждан других государств. Возмездие свершилось. Правда, их никто не пытал, разве что их собственная совесть...

Свидетельство очевидца

Прокурор А. Антонов-Овсеенко описал казнь Берии: «Казнили приговоренного в том же бункере штаба МВО. С него сняли гимнастерку, оставили белую нательную рубашу, скрутили веревкой сзади руки и привязали к крюку, вбитому в деревянный щит. Этот щит предохранял присутствующих от рикошета пули. Прокурор Руденко зачитал приговор. Берия: Разрешите мне сказать... Руденко: Ты уже всё сказал. (Военным.) Заткните ему рот полотенцем. Прошу привести приговор в исполнение. Батицкий нажал на курок. Пуля угодила в середину лба. Тело повисло на веревках».

Победа над Берией была и победой над гидрой госбезопасности. Областные управления МГБ жгли свои архивы. Президиум ЦК выступил, в глазах партийной номенклатуры, в роли спасителя от террора. Но, прежде всего, члены Президиума думали о себе. По уговору между кремлевскими вождями была прекращена практика подслушивания и записи разговоров руководителей партии и правительства, а также высших военных, органами госбезопасности. Документы с компроматом, найденные в сейфе Берии, были также уничтожены. Даже его многотомное следственное дело, полное чудовищной грязи и разоблачений, было засекречено, а информация о результатах расследования была направлена только партийной номенклатуре.

Устранение Берии скомпрометировало многие начинания весны 1953 г., в том числе курс на «мирную инициативу» в отношениях с Западом и на радикальные перемены в Германии. На время оказался снятым и вопрос о возвращении спецпоселенцев. Были попытки поставить под вопрос прекращение антисемитской кампании. В то же время, 26 июня стало еще одним «звонком», будившим подсоветское российское общество. Актер и ученый-библиограф Н.П. Смирнов-Сокольский в частном разговоре заметил: «Как ни сильна машина, а развал начался. Это все оттого, что у нас огосударствили не только всякие отрасли, но даже дыхание, болезни, сны людей. В этих условиях любая сволочь как хочет, так и воротит».

ДОКУМЕНТ

Лауреат Сталинской премии артист И. С. Набатов, по донесению МВД, говорил: «От смены руководства режим у нас не меняется. Он был и есть, по существу, полицейский. Я не верю ни в какие идейные мотивы в поступках не только Берия, но и других. Это откровенная борьба за власть. Так или иначе, крах этой структуры рано или поздно неизбежен». — АП РФ. Ф. 3. Оп. 24. Д. 484. Л. 21—28, цит. по: *Р. Г. Лихоя*. С. 127.

Народ же распевал частушки: «Лавретий Палыч Берия / не оправдал доверия. / Остались от Берии / только пух и перья». «Цветёт в Тбилиси алыча / не для Лаврентий Палыча, / а для Климент Ефремыча и Вячеслав Михалыча». Впрочем, «алыча» скоро перестала цвести и для Ворошилова с Молотовым. Перемены в высшем руководстве СССР стали происходить весьма быстро.

Свидетельство очевидца

О нравах высшего руководства СССР первых послесталинских лет хорошо говорит зарисовка, сделанная Галиной Вишневской во время празднования 60-летия Булганина летом 1955 г. узким кругом соратников на его даче: «Дача Булганина была в Жаворонках по дороге на Николину Гору... Слово «прием» тут не подходит... это была наша родимая, нормальная русская пьянка, и я приехала в самый ее разгар — дым идёт коромыслом... Улыбающийся «ново-рожденный» провёл меня на место рядом с собой, и под многозначительными взглядами присутствующих я села между ним и Хрущёвым... Собрался здесь очень тесный круг гостей — члены Политбюро, их семьи, несколько маршалов (среди них — знаменитый Жуков...). Впервые я видела наших вождей, с детства знакомых по портретам, всех вместе, да еще «дома», с чадами и домочадцами. Как странно выглядят они в домашней обстановке! За большим столом, заваленным едой и бутылками, тесно прижавшиеся друг к другу... Разговаривают громко, властно, много пьют. Чувствуется в них какой-то неестественный внутренний напор, будто собрались вместе волчи вожаки и не рискуют друг перед другом расслабиться. Так вот они — «мозг и сердце нашей партии». Нет среди них только в бозе почившего Сталина и расстрелянного недавно Берии. Остальные верные соратники все на местах, и я имею возможность наблюдать за ними... У всех беспородные обрюзгшие лица, грубые голоса, простецкое, вульгарное обращение между собой. В этом гаме постоянно слышен резкий, хриплый голос Кагановича с сильным еврейским акцентом. Даже здесь, среди своих, вместо тостов — лозунги и цитаты из газет: «Слава Коммунистической партии!», «Да здравствует Советский Союз!»... Женщины — низкорослые, полные, больше молчат. Внутренне скованные, напряженные... Конечно, ни о каких туалетах, об элегантности не может быть и речи — ни одной в длинном платье, ни одной с красивой прической... Их мужья не появляются с ними в обществе и ни на каких официальных приемах я этих дам не видела... Я разглядываю их, стараюсь угадать, кто же из них побывал в тюрьмах. В разное время арестованы были как сионистки жены Молотова, Калинина, Буденного, Андреева, Поскребышева, жены маршалов... Кто из них остался жив и вернулся из сталинских лагерей?..» — *Г. Вишневская*. Галина. История жизни. М., 2006. С. 158—159.

Литература:

- Б. Старков*. Сто дней лубянского маршала // Источник. 1993. № 4.
В. Наумов, Ю. Сигачев. Лаврентий Берия. 1953 — Стенограмма июльского пленума ЦК КПСС и другие документы. М.: Международный фонд «Демократия», 1999.
У. Таубман. Хрущёв. М.: Молодая гвардия. 2005.

5.1.2. Волнения в Восточной Европе. Восстание в Восточной Германии. Русское общество и восточноевропейские восстания

Смерть Сталина положила начало разложению его империи, построенной на пепелище войны, страхе, насилии и магическом культе вождя-победителя. Если в России советская власть приобрела некоторую «легитимность» в сознании части людей в результате победы над нацизмом, то в странах Восточной Европы режимы были явно навязаны силой извне и не могли завоевать сколько-нибудь широкую поддержку среди населения. В последние годы жизни Сталина террор в восточноевропейских странах достиг апогея: в одной маленькой Венгрии с населением около 9 млн человек, было **полмиллиона** арестов (некоторых людей арестовывали по нескольку раз).

В мае-июне 1953 г. Берия и Маленков, информированные о степени недовольства в восточноевропейских странах, начали менять там кадры и политику. В частности, в Венгрии Матьяш Ракоши был заменен на опального и поэтому популярного в народе Имрэ Надя (позднее выяснилось, что он был агентом НКВД в 1930-е гг.). Повсеместно в Восточной Европе прекратился террор госбезопасности.

Но волнения в «подсоветской» Европе предотвратить не удалось. Сперва в Чехословакии в начале июня 1953 г. вспыхнули забастовки и демонстрации рабочих в Пльзене и Моравской Остраве. Начавшись на экономической почве, они быстро обратились против правительства чешских сталинистов, но со временем утихли без кровопролития.

Через несколько дней в Восточной Германии — там, где его меньше всего ожидали, — произошло первое в сталинской империи народное антикоммунистическое восстание. Этому способствовали особые обстоятельства, прежде всего, открытая граница с Западом и хозяйственный кризис, вызванный в ГДР политикой подготовки к войне. Наличие открытой границы объяснялось двойственностью советской стратегии в «германском вопросе» — укрепляя ГДР, московские власти пытались в то же время поддерживать у немцев иллюзию, что не советский режим, а западные державы виновны в расколе Германии. Берлин, в результате, оставался уникальным местом, где ежедневно десятки тысяч людей могли свободно переходить из «социалистического» восточного сектора в «капиталистический» западный. Под влиянием ухудшения жизни и слухов о войне многие уходили на Запад и не возвращались.

В марте 1953 г. лидер ГДР Вальтер Ульбрихт предложил советскому руководству закрыть границу с Западным Берлином, но получил отказ. 6 мая 1953 г. Берия информировал Президиум, что с начала 1952 г. 220 тысяч человек перешло из ГДР на Запад. Виновниками этого Берия считал Ульбрихта и Отто Гротеволья, коммунистических лидеров ГДР. Молотов, политический советник в ГДР В. Семенов и руководители советской военной администрации в Германии И. Чуйков и В. Соколовский были согласны в том, что без

коренных реформ ГДР обречена. Из нее все просто уйдут на Запад. Останутся только агенты госбезопасности.

Однако вместо реформ Ульбрихт провозгласил, к ужасу Москвы, в ГДР «диктатуру пролетариата». Кремлевское руководство тайно вызвало Ульбрихта и Гротеволья в Москву и дало им указания отказаться от левацкой политики и перейти к «ленинскому НЭПу». Это означало — прекратить массовые аресты, отменить «коллективизацию» бауэров, вернуть собственность, отнятую у церкви и мелких предпринимателей, отказаться от сверхэксплуатации рабочих в промышленности, снизить нормы выработки, разрешить негосударственную торговлю, закрыть «фильтрационные лагеря» для немцев, вернувшихся из Западной Германии, и т.п.

Приказ Москвы деморализовал коммунистический режим ГДР. Хотя Совет министров ГДР под председательством Гротеволья формально одобрил «Новый курс» Политбюро, но статья, напечатанная 16 июня в органе профсоюзов — «Трибюн», — вызвала возмущение рабочих. В ней предостерегали от «разногласий» в вопросе норм и подчеркивалось, что «постановления, касающиеся повышения норм, в целом абсолютно правильны».

Ознакомившись с этой статьей, 80 строительных рабочих из Блока 40 на аллее Сталина в Восточном Берлине в полдень 16 июня 1953 г. прекратили работу и решили организовать демонстративное шествие к «Министерскому Центру». За короткое время более 10 000 человек присоединились к двигавшейся в полном порядке колонне демонстрантов. Люди требовали снижения норм выработки и цен в государственных магазинах, повышение которых лично объявили Ульбрихт и Гротеволь. Не добившись положительного ответа, демонстранты двинулись к центру города. По дороге они обращались к прохожим, крича им: «Присоединяйтесь к нам! Не будьте трусами! С нас хватит! Завтра будет общая забастовка!» К жителям Восточного Берлина присоединились люди из Западного Берлина. Демонстранты требовали восстановления гражданских свобод, отставки Ульбрихта и Гротеволья. Лидеры ГДР, объятые страхом, укрылись в берлинском районе Карлсхорст, где находилась штаб-квартира Группы советских войск в Германии.

Кроме того, делегация восточноберлинских рабочих обратилась к главному редактору американской радиостанции РИАС в Западном Берлине Эгону Бару с настоятельной просьбой проинформировать население ГДР о намечаемой общей забастовке. Бар наотрез отказался. Западные державы, в ситуации наметившейся после смерти Сталина «разрядки», боялись даже тени вмешательства в восстание.

Ранним утром 17 июня началось новое шествие демонстрантов, которое привело к первым столкновениям с Народной полицией. Демонстрации превратились в восстание по всей территории ГДР. 200 тысяч рабочих бастовали. Демонстранты на улицах говорили о том, что «коммунисты разделили Германию и превратили народ в рабов». Скандировали: «Долой партию! Долой Ульбрихта!» Восставшие штурмовали здания судов и тюрем,